

УДК 811.51, 81'342.4
UDC 811.51, 81'342.4

**Морозова Ольга Николаевна, Андросова Светлана Викторовна,
Кравец Татьяна Владимировна**
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova, Tatiana V. Kravets
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru, androsova_s@mail.ru, t_kravetc@mail.ru

**СТАНДАРТ ДЛЯ ТРАНСКРИБИРОВАНИЯ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ
ВОСТОЧНЫХ ЭВЕНКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕВОГО КОРПУСА
ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА)***
**STANDARD FOR TRANSCRIBING ORAL SPEECH
OF EASTERN EVENKS
(BASED ON THE MATERIAL OF THE SPEECH CORPUS
OF THE EVENKI LANGUAGE)**

Аннотация

В эвенкийском языке выделяется три наречия: северное (спирантное), южное (сибилянское) и восточное (сибилянско-спирантное). В Приамурье эвенкийский язык представлен восточным наречием, которое подразделяется на три говора: зейский, желтулакский и селемджинский. Объектом данной исследовательской работы послужил звуковой строй селемджинского говора, носители которого проживают в Селемджинском и Мазановском районах Приамурья. Как показал обзор научной литературы по тунгусоведению, в вопросе отражения системы фонем эвенкийского языка с помощью транскрипции среди учёных, изучающих диалекты эвенкийского языка, нет единства. Разнобой в системе знаков для транскрибирования можно объяснить, с одной стороны, многочисленностью диалектов и говоров, а с другой – предпочтениями (независимо от причины) лингвистов эвенковедов. В связи с этим, представляется необходимым дать более точную фонемную и аллофонную транскрипционную запись, учитывая вариантность системы фонем и артикуляторно-акустические свойства их аллофонов для разных говоров данного языка. Базируясь на данных акустического анализа материалов речевого корпуса, авторы статьи предлагают набор символов для гласных на основе знаков МФА, отражающих системное восточное «аканье», и расширяющих возможности отображения набора основных и контекстно обусловленных аллофонов гласных фонем для селемджинского говора.

Abstract

In the Evenki language, there are three dialect groups: Northern (spirant), South (sibilant) and Eastern (sibilant-spirant). In the Amur Region it is represented by the Eastern dialect group,

---

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-04-12004в

that is divided into three local accents: Zeya, Dzheltulak and Selemdzha. This research work focuses upon the sound system of the Selemdzha local accent whose native speakers live in Selemdzha and Mazanov areas of the Amur Region. The review of scientific literature on Tungus studies demonstrated that, among the scientists researching various Evenki dialects, there is the lack of common transcription system to reflect Evenki sound system. The first explanation is large variety of dialects and local accents itself, while the second explanation is variable transcription preferences of different linguists based on whatever reasons. Those facts determine the necessity for offering a more accurate and adequate phonemic and allophonic transcription system that would take into account dialect and local accent variance as well as articulatory-acoustic patterns characteristic for the sets of Evenki vowel allophones. Based on the acoustic analysis data from the Selemdzha Evenki oral speech corpus, we propose a set of symbols that reflects a-type Eastern Evenki pronunciation and enlarges the possibilities symbolizing typical and context-dependent vowel allophones for this local accent.

Ключевые слова: эвенкийский язык, восточное наречие, селемджинский говор, «акающее произношение», фонологическая вариантность, фонемная и аллофонная транскрипция, F-структура.

Keywords: the Evenki language, the Eastern dialectal group, the Selemdzha local accent, a-like pronunciation, phonological variance, phonemic and allophonic transcription, F-structure.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_1_32_48

1. Введение

Эвенкийский язык принадлежит к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи, распространён на территориях исторического проживания эвенков, от левобережья Енисея до Сахалина, от арктических регионов Сибири до северо-востока Китая [Булатова, 1987, с. 6]. Процесс становления литературного эвенкийского языка в России начался в 1930-х годах с созданием письменности. Первоначально в его основу был положен непский говор южного наречия. В 1952 году постановлением Совещания народов Крайнего Севера было принято взять за основу один из говоров Подкаменной Тунгуски Эвенкийского автономного округа, относящийся к южному (сибилянтному) наречию – полигусовский [Константинова, 1968, с. 68].

Однако литературная форма эвенкийского языка не стала наддиалектным средством общения [Булатова, 1987, с. 6], которым бы владели в равной степени эвенки разных регионов. На сегодняшний день имеет место не только значительная диалектная раздробленность, но и смешение диалектов и говоров [Мыреева, 2006, с. 33]. Эвенкийский язык относится к группе так называемых «неблагополучных» (endangered) и значителен как исчезающий. По состоянию языковой ситуации на современном этапе исследуемый язык относится к «особым» случаям, поскольку степень его

сохранности и распространения в значительной мере зависит от региона [Вахтин, 2001, с. 180]. Большая диалектная раздробленность не только увеличивает количество материала, подлежащего описанию, но и затрудняет фонологическую интерпретацию ряда фонетических явлений. Число говоров эвенкийского языка в РФ доходит до 50; они, в свою очередь, объединены в 14 диалектов. В конце 20 века А. А. Бурыкин подчеркнул, что процент владеющих титульным языком соответственно различается по регионам: в Эвенкии – примерно 50%, в Амурской области и Хабаровском крае процент эвенков, говорящих на родном языке, ещё выше [Бурыкин, 1997, с. 69–70]. По данным проведённых нами экспедиций в 2011–2017 гг., в настоящее время в Амурской области это всего лишь 24,4% (от 893 эвенков, проживающих в сёлах Усть-Нюкжа, Бомнак, Ивановское, а также на реке Нора и её притоках).

В эвенкийском языке выделяются три наречия: северное (спирантное / «хакающее»), южное (сибилянтное / «секающее» и «шекающее») и восточное (сибилянтно-спирантное). Основополагающим признаком, по которому говоры эвенкийского языка разделены на эти три наречия, служит соответствие фонемы /s/ в южном наречии фонеме /h/ в северном, закономерное как в начале слова, так и в положении между гласными [Булатова, 2002, с. 4]. Как отмечает Г. М. Василевич, восточная диалектная группа представляет собою весьма мозаичную картину говоров, в которых в большей или меньшей степени сохраняются следы происхождения от диалектов одной из указанных выше групп (как северной, так и южной) [Василевич, 1948, с. 15]. Каждое наречие состоит из диалектов, распадающихся на присущие ему говоры [Булатова, 1987, с. 9].

Всего в Амурской области насчитывается 1400 человек эвенкийской национальности. Эвенкийский язык в данном регионе представлен восточным наречием, которое в свою очередь подразделяется на три говора: зейский – говор эвенков с. Бомнак Зейского района, желтулакский – говор эвенков сёл Усть-Нюкжа, Первомайское и Усть-Уркима Тындинского района, селемджинский – говор эвенков с. Ивановское Селемджинского района и с. Майское Мазановского района. Своеобразие звукового строя названных говоров, как и большинства восточных говоров эвенкийского языка, заключается в отличном от литературного эвенкийского языка произношении. Специфика устной речи приамурских эвенков состоит в «аканье» (а-акценте) [Булатова, 1987, с. 13], что не находит отражения в имеющейся фонемной транскрипции – по-прежнему используется обозначение /з:./.

На территории Приамурья представители эвенкийского этноса проживают в шести национальных сёлах, расположенных на территории Тындинского, Зейского, Селемджинского и Мазановского районов. К селемджинскому говору мы также относим язык эвенков рода Каңаи (численность рода на февраль 2017 г. составляет 18 человек), отдельно проживающих на территории Мазановского района в своих охотничьих родовых угодьях. Между эвенкийским родом Каңаи и эвенками с. Ивановского существовали и существуют постоянные связи, между ними за-

ключались брачные союзы, производился обмен оленями и тому подобное. Эвенки рода Каңаи (семьи Яковлевых и Стручковых) изначально проживали по р. Норе и её притокам. Имея прописку в сёлах Майское, Новокиевский Увал, Дугда, норские эвенки предпочитают жить в местах, исконно принадлежащих их предкам, на северо-востоке Мазановского района в тайге, находящейся за Норским заповедником, а именно, по берегам рек Нора, Желтула, Асмакан, Эгор. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», местом компактного проживания селемджинских эвенков считается с. Ивановское Селемджинского района Амурской области [Морозова, Кравец, 2017 с. 17].

Каждый язык имеет свою исторически сложившуюся систему фонем и принятые в обществе, говорящем на данном языке, модели их реализации. При территориальной вариантности и диалектной раздробленности не может не возникнуть вопрос: эти языковые образования, имеющие разницу в произношении, пользуются одними системой фонем и нормой или разными? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, как понимается сущность понятий «система» и «норма» и их взаимоотношений¹, а ответ на него определяет выбор транскрипционных знаков для отражения фонемного состава.

У нас сложилось представление, что в работах, затрагивающих вопросы эвенкийской фонетики, развивается идея об одной системе и одной норме, о чём свидетельствуют, например, такие трактовки как а-образное (или о-образное) произношение (а-образный / о-образный оттенок / вариант / вариация / аллофон) фонемы /з:/ и тому подобные интерпретации (см., напр. [Цинциус, 1949, с. 99 ; Мыреева, 2006. с. 17]).

Как известно, первым шагом в изучении любого живого языка считается установление его фонемного состава. Мы исходим из того, что у селемджинского говора своя система фонем, которая, при многих общих входящих в неё единицах, будет отличаться от той, что существует в принятой литературной норме. Следовательно, ряд слов будут иметь фонемные модели, отличающиеся в разных говорах, создавая тем самым фонологическую вариантность.

Далее необходимо выявить, какие материальные характеристики звуков – артикуляционные и акустические – могут быть коррелятами дифференциальных признаков фонем. Поскольку полные и системные описания акустических признаков реализаций фонем в амурских говорах эвенкийского языка до сих пор отсутствуют, проводимая в рамках настоя-

---

¹ Что шире: система или норма? Норма относится только к литературной разновидности и фиксируется в соответствующих словарях или является общеязыковой категорией и может либо фиксироваться, либо не фиксироваться в соответствующих словарях? Если явление не зафиксировано в словаре, дающем произношение, то оно ненормативно? Ответы на эти вопросы следует искать в трудах ведущих специалистов в данной области (см., напр., [Аванесов, 1984 ; Вербицкая, 1996 ; Крысин, 2007 ; Косериу, 2010 ; Наумов, 2010]).

шего исследования работа представляется актуальной и поможет выявить реально действующие на данный момент произносительные нормы селемджинского говора.

Итак, объектом нашего исследования послужил звуковой строй селемджинского говора, входящего в состав восточного наречия эвенкийского языка, носители которого проживают в Селемджинском и Мазановском районах Амурской области. Цель настоящей работы – описать систему гласных селемджинского говора селемджинско-урмийско-буреинского диалекта восточного наречия в сравнении с литературным эвенкийским языком; устранить противоречия, вытекающие из предшествующих описаний фонетики эвенкийского языка на основании экспериментально-фонетического анализа речевого материала селемджинского говора, полученного в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков Амурского государственного университета.

2. Проблемы классификации и транскрибирования гласных эвенкийского языка

Вопросы о звуковом составе эвенкийского языка рассматривались в трудах В. А. Горцевской, А. А. Горцевского, Г. М. Василевич, В. И. Цинциус, М. И. Матусевич, О. А. Константиновой, Т. Е. Андреевой, А. Н. Мыреевой, Е. Ф. Афанасьевой, [Горцевская, 1936; Горцевский, 1939; Василевич, 1948; Цинциус, 1949; Матусевич, 1960; Константинова, 1964; Андреева, 1988; Андреева, 2008; Мыреева, 2006; Афанасьева, 2010а]. Что касается эвенкийской графики, то со времени выхода в свет общего свода правил эвенкийской графики и орфографии, изданного в 1958 г. отечественными тунгусоведами В. А. Горцевской, О. А. Константиновой и В. Д. Колесниковой, она не подвергалась изменениям и остается стабильной [Анисимов, 2015, с. 31]. В вопросах же классификации фонем эвенкийского языка и транскрипции среди учёных, изучающих диалекты эвенкийского языка, отсутствует единство.

Как показал обзор научной литературы по тунгусоведению, большинство советских и российских лингвистов решают вопрос о количественном фонемном составе эвенкийского литературного языка в основном одинаково. Это хорошо видно из сопоставления соответствующих данных, которые можно найти в работах, написанных представителями различных поколений тунгусоведов. На основе литературного эвенкийского языка В. И. Цинциус, О. А. Константинова, Т. Е. Андреева, Н. Я. Булатова и Е. Ф. Афанасьева выделяют в системе эвенкийского вокализма 11 гласных, образующих три стандартных оппозиции: 1) по признаку ряда: гласные переднего /i, i:, e:, a, a:/, центрального /з, з:/, заднего /u, u:, o, o:/ рядов; 2) по признаку подъёма: гласные верхнего /i, i:/, среднего /e:, з, з:, o, o:/, нижнего /a, a:/ подъёмов; 3) по признаку долготы: гласные долгие /i:, u:, з:, o:, a:/ и краткие /i, u, з, o, a/. Гласный переднего ряда среднего подъёма /e:/ не имеет краткой пары [Цинциус, 1949; Константинова, 1964; Андреева, 1988; Андреева, 2008; Булатова, 2002; Афанасьева, 2010 б].

Г. М. Василевич, определяя фонемный состав некоторых диалектов эвенкийского языка, считает, что «...количество фонем во всех говорах одно и то же, расхождения между диалектами и говорами сводятся к наличию многочисленных вариантов² имеющихся фонем» [Василевич, 1948, с. 5].

Согласно А. А. Горцевскому, звуковой строй ербогачёнского говора содержит 11 гласных [Горцевский, 1939, с. 11]. В. А. Горцевская, составив набор фонем для баргузинского говора, основываясь на работе Н. Н. Поппе «Материалы для исследования тунгусского языка» [Поппе, 1927], также предлагает 11 гласных [Горцевская, 1936, с. 15]. Селемджинский говор – не исключение [Булатова, 1987, с. 13].

Исключение составляют Я. П. Алькор (Кошкин), который выделяет в так называемом «собственно-тунгусском языке» 8 гласных, каждая из которых имеет долгую пару (всего 16 единиц) [Алькор, 1930, с. 5–6], и А. Н. Мыреева и А. В. Романова, фиксирующие в токкинском говоре – 14, а в томмотском – 17 гласных фонем [Романова, Мыреева, 1962, с. 12, 55].

Графическое отображение фонетических единиц эвенкийского языка варьирует от букв русского алфавита (обеспечивающих однозначность отображения, но порой искажающих реальную фонологическую картину) до разнообразных транскрипционных знаков, включая диакритики. Разнобой в системе знаков для транскрибирования – реальная проблема, которую можно объяснить, с одной стороны, многочисленностью диалектов и говоров, а с другой – предпочтениями (независимо от причины) лингвистов-эвенковедов, каждый из которых стремился по-своему унифицировать систему графического обозначения фонологических единиц.

Так, например, в первой трети 20 в. пытаясь составить единый эвенкийский (тунгусский) алфавит на основе латиницы, Я. П. Алькор придерживался следующих основных принципов: 1) создать графическую систему, в достаточной степени соответствующую звуковому составу эвенкийского языка; 2) по возможности ограничить число графем; 3) свести до минимума применение диакритических знаков; 4) согласовать эвенкийский алфавит с разработанными алфавитами родственных эвенкам народов: маньчжуров, гольдов и ламутов; 5) взять за основу эвенкийской графической системы новый тюркский алфавит, соответственно приспособив его к особенностям эвенкийского языка [Алькор (Кошкин), 1930, с. 5–6].

Между тем, языковая политика сложилась так, что с 1938 года³ был осуществлён переход с латиницы на кириллицу. На наш взгляд, это послужило толчком ещё большего разнообразия в транскрибировании фонем, поскольку недостаток знаков кириллицы для адекватного отображения звуковых единиц эвенкийского языка нужно было чем-то компенсировать.

В изучение фонетики любого миноритарного языка экспериментальные исследования приобретают огромное значение. Экспериментальные ис-

---

² В фонетике и фонологии под вариантами фонемы понимаются её аллофоны – основной и комбинаторно-позиционные. Применение этого понятия к территориальной вариантности с фонологической точки зрения, на наш взгляд, очень сомнительно.

³ Издание литературы на эвенкийском языке было переведено на графику русского алфавита [Василевич, 1958, с. 654].

следования эвенкийского языка с использованием специальной аппаратуры в конце 30-х гг. начала М. И. Матусевич. Они были использованы в работе А. А. Горцевского [Горцевский, 1939] и в её собственном труде [Матусевич, 1960] – работе, которая сохраняет своё значение для изучения эвенкийской фонетики и в наши дни. Позже в монографии О. А. Константиновой впервые экспериментальному исследованию были подвергнуты долгие гласные при описании полигусовского говора [Константинова, 1964].

Экспериментальные исследования звукового строя языков народов Сибири проводились в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии (ЛЭФИ ИИФФ) СО АН СССР (г. Новосибирск). Их результаты использованы в научных трудах М. Д. Симонова [Симонов, 1976], Г. В. Гулимовой [Гулимова, 1982], Т. Е. Андреевой [Андреева, 1988, 2008]. Т. Е. Андреева рассмотрела вокализм и консонантизм одного из эвенкийских диалектов Якутии, принадлежащего к восточному наречию эвенкийского языка, заметно отличающегося от письменного языка [Андреева, 1988].

Комментируя исследование Т. Е. Андреевой, А. А. Бурыкин подчёркивает, что оно оставило открытыми многие спорные вопросы фонетики эвенкийского языка. В частности, по словам А. А. Бурыкина, в этой работе так и не дан ответ на вопрос, являются ли краткие узкие гласные [i] и [ɪ], [u] и [ʊ] в эвенкийском языке самостоятельными фонемами (как это имеет место в эвенском языке [Бурыкин, 2000, с. 160]), или же находятся в отношениях аллофонного варьирования. Аналогичный вопрос требует ответа и относительно долгих [i:] и [ɪ:], [u:] и [ʊ:]. Различение указанных гласных по градациям рядов и подъёмов на уровне звукотипов было установлено по данным слухового анализа и подтверждено экспериментальными исследованиями [Гулимова, 1982].

А. А. Бурыкин [Бурыкин, 2000, с. 178] подчёркивает, что в экспериментально-фонетических исследованиях многодиалектных языков основным предметом внимания практически всегда оказываются основные оттенки гласных, что не позволяет по описаниям составить представление о характере и степени варьирования оттенков гласных в многосложных словах, что особенно актуально для языков с разными типами сингармонизма. Полностью согласившись со сказанным, добавим, что недостаточное внимание уделяется комбинаторно-позиционным аллофонам гласных в целом, поэтому чёткой аллофонной транскрипции гласных эвенкийского языка не даётся.

В таблице 1 представлен инвентарь фонем и аллофонов эвенкийского языка, разработанных известными тунгусоведами.

Как видно из таблицы, транскрипционная разница касается использования кириллицы или латиницы (у Матусевич имеется их смешение), способов обозначения долготы (надчёркивание, двоеточие), указание на мягкорядность (Василевич), неоднородность звучания гласного, его дифтонгоидность (Андреева, Романова, Мыреева), использования или неиспользования знака умлаута.

Т а б л и ц а 1. **Инвентарь гласных фонем эвенкийского языка**

Классификация гласных фонем и аллофонов	Фонемы [аллофоны]																	
	и	и	й	й	ē	ē ⁴ , ε	э	э̄	а	ā	о	ō	у	у	ү	ү		
Василевич [1958, с. 656] полигусовский говор	и	и	й	й	ē	ē ⁴ , ε	э	э̄	а	ā	о	ō	у	у	ү	ү		
Цинциус [1949, с. 38] непский говор	и		й		ē		э	э̄	а	ā	о	ō	у			ү		
Романова, Мыреева [1962, с. 12] токкинский говор	u [ɪ]		ū		ē [ē] [ē̄] [æ]		э [ɑ]	э̄ [ā̄] [ō̄]	а [ɑ] [ɔ]	ā	о	ō	у	у	ү	ү		
Романова, Мыреева [1966, с. 52] томмотский говор	u [ɪ]		ū [ī]	ue	ē	э	э̄	ō̄	а	ā	о	ō	у	у	ы	ү	ү	ы
Константинова [1964, с. 7–8] сводная таблица по говорам	u [ù] [ε]		ū [ū̄]		ē	э	э̄	[ṽ ^o] [ṽ ^a]	а	ā	о	ō	у [ȳ]				ү [ȳ̄]	
Горцевский [1939, с. 13] ербогачёнский говор	ɪ [ī] [i]		ī [ī̄] [ī̄]		ē	ь	ь̄		а	ā	о [ɔ]	ō	у [u]				ū [ū̄]	
Горцевская [1936, с. 5] баргузинский говор	i		ī	ē	e	э	-		а	ā	о	ō	у				ū	
Алькор [1930, с. 4–5]	ī	i	ī̄	ī̄	ē	e	ä	ö	ā̄	ō̄ ⁵	а	ā	о	ō	u	u	ū̄	ū
Матусевич [1960, с. 163] ербогачёнский говор	i		ī		ē		ь	ь̄	а	ā	о	ō	у				ū	

⁴ Только в заимствованиях из русского и якутского языков [Василевич, 1958, с. 656]

⁵ В окающих диалектах гласному ä и его долгой паре соответствовали гласный ö и его долгая пара [Алькор, 1930, с. 4].

Окончание таблицы 1

Классификация гласных фонем и аллофонов	Фонемы [аллофоны]										
Булатова [1987, с. 13] говоры Амурской области	и	й	ē	э	э̄	а	ā	о	ō	у	ū
Андреева [1988, с. 8–10] томмотский говор	ɪ	ɪ:	ʕ:	з	з:	а	а:	ɔ	ɔ:	v	v:
Афанасьева [2010, с. 20] баргузинский говор	i	i:	e:	ε	ε:	ɑ	ɑ:	ɔ	ɔ:	u	u:

3. Стандарт для транскрибирования звучащей речи селемджинских эвенков

Акустические характеристики долгих и кратких гласных селемджинского говора позволяют констатировать их различие по качеству, что не совпадает с ранее полученными данными литературных источников (см., напр., [Василевич, 1948, с. 6; Булатова, 1987, с. 4]). В связи с этим, назрела необходимость разработать новый транскрипционный стандарт для данного говора эвенкийского языка, что и было осуществлено в ходе работы над проектом «Речевой корпус эвенкийского языка (аннотированный)».

Результатом исследования звуковых материалов данного корпусного ресурса стала классификация аллофонов системы гласных селемджинского говора селемджинско-урмийско-буреинского диалекта восточного наречия эвенкийского языка (см. табл. 2).

Нами были использованы знаки международного фонетического алфавита, созданного на основе латиницы (МФА). В косых скобках – / / – даётся фонематическая транскрипция, а в квадратных – [ ] – комбинаторные и позиционные аллофоны, что вполне традиционно для представления фонологической системы и моделей её реализации.

Представленные в таблице 2 аллофоны эвенкийских гласных фонем выделены на основе выявленных в ходе спектрального анализа формантных характеристик данных гласных в различных комбинаторно-позиционных условиях.

**Т а б л и ц а 2. Аллофоны гласных эвенкийского языка
(по данным селемджинского говора)**

Фоне ма	Аллофоны	Значения формант (Гц)	
		F1	F2
/i/	[i:] – аллофон переднего ряда высокого подъёма узкой разновидности.	413	2005
	[ɪ] – аллофон переднего отодвинутого ряда высокого подъёма широкой разновидности, [i̯] – неоднородный передне-верхний гласный.	536	1673
/i:/	[i:] – аллофон переднего ряда высокого подъёма узкой разновидности.	349	2425
	[ɪ:] – аллофон переднего ряда высокого подъёма широкой разновидности, [i̯:] – неоднородный передне-верхний гласный.	369	2386
/e:/	[e:] – аллофон переднего ряда среднего подъёма узкой разновидности, [e̞:] – аллофон переднего ряда среднего подъёма узкой разновидности с i-образным переходом.	556	2134
	[ɛ:] – аллофон переднего отодвинутого назад ряда среднего подъёма узкой разновидности.	553	2066
	[ɛ:] – аллофон переднего отодвинутого назад ряда среднего подъёма узкой разновидности.	498	1946
/æ:/	[æ:] – аллофон переднего ряда низкого подъёма узкой разновидности.	731	1785
	[æ̞:] – аллофон переднего ряда низкого подъёма узкой разновидности с i-образным переходом.	546–721	1913–1791
/ɜ/	[ɜ] – аллофон центрального ряда среднего подъёма.	514	1431
	[ɛ] – аллофон переднего ряда среднего подъёма.	556	1591
	[æ̞] – аллофон переднего ряда низкого подъёма узкой разновидности с i-образным переходом.	738	1808
/a/	[a] – аллофон центрального ряда низкого подъёма широкой разновидности.	815	1455
	[ʌ] – аллофон центрального ряда среднего подъёма широкой разновидности.	686	1492
	[a̞] – аллофон центрального ряда низкого подъёма широкой разновидности с i-образным переходом.	423–686	2246–1738
/a:/	[a:] – аллофон центрального ряда низкого подъёма широкой разновидности.	879	1571
	[a̞:] – аллофон центрального ряда низкого подъёма широкой разновидности с i-образным переходом.	458–966	1668–2282

⁶ Для аллофонов с неоднородной формантной структурой, в частности, здесь с i-образным переходом, первое значение для F1 и F2 даётся для i-образного перехода, второе значение для F1 и F2 даётся для квазистационарного участка гласного. Под i-образным переходом понимается сравнительно большое расстояние между F1 и F2: низкое значение F1 и высокое F2, характерное для гласного /i/.

Окончание таблицы 2

Фонема	Аллофоны	Значения формант (Гц)	
		F1	F2
/ɔ/	[ɔ] – аллофон заднего ряда среднего подъёма широкой разновидности.	627	1028
	[ɔ:] – аллофон заднего ряда среднего подъёма широкой разновидности с i-образным переходом.	475–616	1826–1370
/o:/	[o:] – аллофон заднего ряда среднего подъёма.	504	938
	[o:] – аллофон центрального ряда среднего подъёма с i-образным переходом.	475–598	1808–1282
/u/	[u] – аллофон заднего ряда высокого подъёма узкой разновидности.	327	711
	[u̟] – аллофон заднего продвинутого вперёд ряда высокого подъёма узкой разновидности.	327	827
	[u] – аллофон заднего ряда высокого подъёма.	318–493	1685–966
/u:/	[u:] – аллофон заднего ряда высокого подъёма широкой разновидности.	458	774
	[u̟:] – аллофон заднего продвинутого вперёд ряда высокого подъёма широкой разновидности.	493	826
	[u] – аллофон заднего продвинутого вперёд ряда высокого подъёма.	353–458	1563–896

Так, для каждой из гласных фонем /i/, /i:/ зафиксирована пара аллофонов узкой и широкой (очень близкий аналог – германский [ɪ] [Горцевский, 1939, с. 13]) разновидностей в зависимости от «мягкого» или «твёрдого» сингармонического ряда (при этом разница по F1 для узких и широких аллофонов краткой фонемы заметно больше, чем для аллофонов её долгой пары). Например, *атыркән* «старуха», *этыркән* «старик», *гүдбэ* «брюшина», *дэвэки* «таз». Следует подчеркнуть дикторскую вариантность в аллофонии фонем /i/ и /i:/ в речи нескольких дикторов, наряду с [ɪ] и [i:] присутствуют аллофоны [i̟], [i̟:], очень схожие по слуховым впечатлениям и по формантной структуре с русским гласным, как в слове ты. Такая модель реализации может быть результатом русско-эвенкийской интерференции, ведь этимологически такой аллофон для эвенкийского языка нехарактерен.

Фонема переднего ряда среднего подъёма долгая /e:/ реализуется в речи селемджинских эвенков, главным образом, двумя аллофонами [e:] и [e̟:]. Аллофон переднего ряда среднего подъёма узкой разновидности, долгий [e:] зарегистрирован в позициях ГС, СГ в начале, середине и конце эвенкийского слова в примерах типа *ѓха* «глаз», *ѓхатун* «очки», *ѓла* «уголь», *сѓн* «ухо», *мѓван* «сердце», *бѓга* «месяц», *хѓлтан* «мороз», *гѓ* «второй», *дэмэрѓ* «надоело» и тому подобных. Аллофон [e:] может быть у некоторых дикторов дифтонгоидным [e̟:] (начинаться с i-образного эле-

мента), встречается в позициях абсолютного начала и конца слова, после мягких согласных /dʲ, nʲ, tʃʲ/, после палатализованных согласных в «мягких» сингармонических словоформах. Аллофоны [e:] и [e̞:] находятся в отношениях свободного варьирования: их реализация не обусловлена позиционно и зависит от личных предпочтений говорящего. Аллофон переднего отодвинутого назад ряда среднего подъёма узкой разновидности долгий [e:] зафиксирован в речи тех дикторов, у которых существует различие в реализации фонемы /e:/ в зависимости от сингармонического ряда словоформы: в «мягких» словоформах реализуется более передний аллофон [e:], например, *дэмэрэ* «надоело». В «твёрдых» словоформах фонема /e:/ реализуется менее передним аллофоном [e̞:], например, *кандарэ* «какая усталость!» (дикторы эвенкийских родов Бута, Мётакār).

В системе гласных фонем селемджинского говора вместо фонемы /z:/ реализуется фонема /æ:/, схожая для русского уха с гласным в словах *стакан, всякий*. Данное фонологическое решение очевидно, во-первых, исходя из того, что диалекты и говоры имеют каждый свою систему фонем и свои произносительные нормы; во-вторых, в связи с тем, что в речи селемджинских эвенков аллофон [z:] вообще не реализуется ни к качеству основного, ни в качестве комбинаторно-позиционного. Встретились только два аллофона: [æ:] и [æ̞:]. Неоднородный по своей формантной структуре аллофон [æ̞:] зафиксирован в позиции после системно мягких согласных фонем и мягких аллофонов системно твёрдых согласных, которые обеспечивают реализацию в начальной фазе гласного i-образного перехода. В ряде случаев аналогичный по качеству аллофон (но краткий) присутствует в наборе аллофонов краткой фонемы /z/ – [æ̞] – которая всё ещё сохраняет этимологический центральнорядный аллофон среднего подъёма (реализуется в большинстве случаев). Приведём примеры, демонстрирующие акающий акцент: *сэксэ* [sʲi̞:ksʲi̞:] «кровь», *нэлэ* [nʲi̞:ɛ̞:lʲi̞:] «страх», *лѳне* [lʲi̞:nʲi̞:] «снегопад» и многие другие.

Аллофон центрального ряда среднего подъёма широкой разновидности [ʌ] краткой фонемы /a/ встречается в многосложных словах в окружении согласных /k/, /g/, /r/, которые обеспечивают узкую реализацию данного гласного, например, *гаранда-ми* «бросить», *бургадярй* «мелкий снег».

Как и в случае с /i/, для фонем заднего ряда высокого подъёма /u/, /u:/ зафиксирована пара аллофонов узкой и широкой разновидностей в зависимости от «мягкого» или «твёрдого» сингармонического ряда. Например, *ула-ми* «мочить», *улэ-ми* «копать», *лѳча* «русский», *лѳне* «снегопад». Разница по F1 между узкими и широкими аллофонами [u]-[u̞], [u:]-[u̞:] превышает 100 Гц (формантные характеристики см. в табл. 2).

У всех непереднерядных гласных – и долгих, и кратких – имеются аллофоны с i-образным переходом с характерным сравнительно большим расстоянием между F1 и F2 (именно поэтому в таб. 2 для таких аллофонов указаны начальное и конечное значения для обеих формант). Выраженность i-образного перехода в определённой степени зависит от целевых фонетических характеристик гласного.

4. Заключение

Полученные результаты позволили прийти к следующим выводам. Система гласных фонем селемджинского говора эвенкийского языка отличается от вокалической системы литературного эвенкийского языка, равно как и от других говоров. Благодаря проведённым экспериментально-фонетическим исследованиям разработан стандарт для транскрибирования, отражающий парадигматическую специфику и характерную синтагматику данного говора. Акустический анализ позволил заменить фонемный знак /з:/, обозначающий гласный среднего подъёма центрального ряда на /æ:/, обозначающий гласный узкой разновидности нижнего подъёма переднего ряда и отражающий фонологическую вариантность – восточное аканье. Были также предложены описания формантной структуры и транскрипционные знаки для твёрдорядных и мягкорядных аллофонов и аллофонов, отличающихся по градациям рядов и подъёмов.

Из всего сказанного следует важнейший методический вывод. Такие особенности, как «аканье» или «оканье» (как «секанье» или «шеканье» для согласных) относятся к системным отличиям. Здесь речь должна идти о разных фонемах, а не вариантах или оттенках, ведь к последним отношение в методике преподавания языка часто весьма пренебрежительное, а порой совершенно недопустимое – как к отклонениям от нормы. В этнической эвенкийской школе неправомерно и вредно навязывать неродной произносительный тип, например, искоренять тот же акающий акцент при обучении исчезающему эвенкийскому языку селемджинских эвенков или окающий – при обучении северных эвенков. На самом деле это выглядит не менее странно, чем если бы южным эвенкам стали навязывать восточное аканье или северное оканье⁷. Эта ситуация неизбежно ведёт к языковому конфликту поколений, когда бабушки и дедушки молодых эвенков говорят одним образом, учитель в школе уполномочен и натренирован преподавать другое произношение, а дети не понимают, за чьим авторитетом им следовать, что усугубляет потерю интереса к этническому языку и не способствует ни его сохранению, ни ревитализации.

Хочется надеяться, что результаты выполняемого нами научного проекта найдут непосредственное применение в методике преподавания селемджинским эвенкам этнического, к сожалению, для многих уже не родного языка, а предложенная фонологическая интерпретация произносительных различий и способы их транскрибирования окажутся полезными для обучения практическому языку на материале других диалектов и говоров.

Список литературы

1. Аванесов, Р. И. Русское литературное произношение [Текст] / Р. И. Аванесов. – М. : Просвещение, 1984. – 383 с.

---

⁷ Или представим британца, в американской школе переучивающего американских детей с американского на британский (или обратную ситуацию) – масштаб другой, но суть весьма схожая.

2. Алькор (Кошкин), Я. П. Проект алфавита эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Я. П. Алькор (Кошкин) // Материалы комиссии по изуч. Якутской АССР. – Л. : Изд-во АН СССР, 1930. – Вып. 33. – 14 с.
3. Андреева, Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. (Экспериментально-фонетическое исследование) [Текст] / Т. Е. Андреева – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 142 с.
4. Андреева, Т. Е. Принципы организации звуковой системы эвенкийского языка [Текст] / Т. Е. Андреева. – Новосибирск : Наука, 2008. – 93 с.
5. Анисимов, А. Б. Проблема составления эвенкийско-английского словаря [Текст] / А. Б. Анисимов // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 3 (87) – С. 30–35.
6. Афанасьева, Е. Ф. Баргузинский говор современного эвенкийского языка [Текст] / Е. Ф. Афанасьева // Вестник Читинского государственного университета. – 2008. – № 6. – С. 70–76.
7. Афанасьева, Е. Ф. Фонология и фонетика эвенкийского языка [Текст] / Е. Ф. Афанасьева : учеб. пособие. – 2 изд., доп. и перераб. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010 а. – 116 с.
8. Афанасьева, Е. Ф. Гласные фонемы современного эвенкийского языка: принципы классификации [Текст] / Е. Ф. Афанасьева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010 б. – № 10. – С. 155–159.
9. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования [Текст] / Н. Я. Булатова / отв. ред. О. П. Суник; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, Ленингр. Отд-ние, 1987. – 168 с.
10. Булатова, Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах [Текст] / Н. Я. Булатова. – СПб. : Дрофа, 2002. – 64 с.
11. Бурыкин, А. А. Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) [Текст] / А. А. Бурыкин // Язык и речевая деятельность. – СПб., 2000. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 150–180.
12. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л. : Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1948. – 352 с.
13. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М. : ГИИНС, 1958. – 803 с.
14. Вахтин, Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига [Текст] / Н. Б. Вахтин. – СПб. : ДБ, 2001. – 337 с.
15. Вербицкая, Л. А. Орфоэпия и вопросы культуры речи [Текст] / Л. А. Вербицкая // Прикладное языкознание : учебник / отв. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 1996. – С. 34–54.
16. Горцевская, В. А. Характеристика говоров баргузинских эвенков. По материалам Н. Н. Поппе [Текст] / В. А. Горцевская. – М.-Л. : Учпедгиз, 1936. – 104 с.
17. Горцевский, А. А. Фонетические трудности при обучении эвенков (тунгусов) русскому языку [Текст] / А. А. Горцевский / под ред. В. П. Андреевой-Георг. – Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. – 136 с.
18. Гулимова, Г. В. Настройка гласных полигусовского говора эвенкийского языка (по данным рентгенографирования) [Текст] / Г. В. Гулимова // Экспериментальная фонетика сибирских языков. – Новосибирск, 1982. – С. 96–135.

19. Кастрен, М. А. Основы изучения тунгусского языка [Текст] / М. А. Кастрен / пер. с нем. М. Г. Пешковой; ред. и прим. Е. И. Титова // Тунгусско-русский словарь. Изд-е Читинского краевого гос. музея им. А. К. Кузнецова – Иркутск, 1926. – 64 с.
20. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л. : Наука, 1964. – 274 с.
21. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история [Текст] / Э. Косериу. – М. : URSS, 2010. – 184 с.
22. Крысин, Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 2 (14). – С. 5–17.
23. Матусевич, М. И. Очерк системы фонем ербогочёнского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных [Текст] / М. И. Матусевич // Учёные записки Ленингр. гос. ун-та. Сер. филол. наук. – 1960. – Вып. 40. – № 237. – С. 132–169.
24. Морозова, О. Н. Фонетический портрет селемджинских эвенков [Текст] / О. Н. Морозова, Т. В. Кравец // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2017. – Специальный выпуск (32). – С. 5–14.
25. Мыреева, А. Н. Диалектология эвенкийского языка : учеб. пособие [Текст] / А. Н. Мыреева. – Якутск : Офсет, 2006. – 40 с.
26. Наумов, В. В. Государство и язык. Формулы власти и безвластия [Текст] / В. В. Наумов. – М. : КомКнига, 2010. – 184 с.
27. Поппе, Н. Н. Материалы для исследования тунгусского языка: Наречие баргузинских тунгусов [Текст] / Н. Н. Поппе. – Л. : Изд-во АН СССР, 1927. – 62 с.
28. Романова, А. В. Очерки токкинского и томмотского говоров [Текст] / А. В. Романова, А. Н. Мыреева / под ред. Г. М. Василевич. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 108 с.
29. Симонов, М. Д. Опыт спектрографического анализа эвенкийских гласных (на материале баунтовского говора) [Текст] / М. Д. Симонов // Исследования по фонетике сибирских языков. – Новосибирск, 1976. – С. 153–174.
30. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л. : 1949. – 342 с.

References

1. Avanesov, R. I. (1984). *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian standard pronunciation]. Moscow : Prosveshhenie Press.
2. Alkor (Koshkin), Ya. P. (1930). Proekt alfavita evenkijskogo (tunguskogo) yazyka [Project alphabet of the Evenki (Tungus) language]. *Materialy komissii po izucheniyu Yakut. ASSR* [Materials of the Commission for the study of Yakut. ASSR] (vol. 33). Leningrad : USSR Academy of Sciences Press.
3. Andreeva, T. E. (1988). *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka* (Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie) [Sound system of the Tommot local accent of the Evenki language (Experimental phonetic study)]. Novosibirsk : Nauka Press.

4. Andreeva, T. E. (2008). *Printsipy organizatsii zvukovoj sistemy evenkijskogo yazyka* [Principles of organization of the sound system of the Evenki language]. Novosibirsk : Nauka Press.
5. Anisimov, A. B. (2015). Problema sostavleniya ehvenkijsko-anglijskogo slovarya [The issue of compiling Evenki-English dictionary]. *Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva* [Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chelyabinsk State Pedagogical University], 3 (87), 30–35.
6. Afanas'eva, E. F. (2008). Barguzinskij govor sovremennogo evenkijskogo yazyka [Barguzin's dialect of the modern Evenki language] *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chita State University Journal], 6, 70–76.
7. Afanas'eva, E. F. (2010 a). *Fonologiya i fonetika evenkiyskogo yazyka* [Phonology and phonetics of the Evenki language]: A handbook. Ulan-Ude : Buryat State University Press.
8. Afanas'eva, E. F. (2010 b). Glasnye fonemy sovremennogo evenkijskogo yazyka: printsipy klassifikatsii [Vowels of the modern Evenk language: the principles of classification]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 10, 155–159.
9. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya* [Accents of Amur Region Evenks. Research materials]. Leningrad : Nauka Press.
10. Bulatova, N. Ya. (2002). *Evenkijskij yazyk v tablitsakh* [The Evenki language in tables]. St. Petersburg : Drofa Press.
11. Burykin, A. A. (2000). Izuchenie fonetiki yazykov malochislennykh narodov Severa Rossii i problemy razvitiya ikh pis'mennosti (obzor) [The study of the phonetics of languages of small peoples of the North of Russia and problems of their writing systems development (review)]. *Yazyk i rechevaya deyatel'nost* [Language and speech activity] (Vol. 3, pp. 150–180). St-Petersburg.
12. Vasilevich, G. M. (1948). *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [The Outline of the Evenki (Tungus) language dialects]. Leningrad.
13. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow.
14. Vakhtin, N. B. (2001). *Yazyki narodov Severa v XX veke : Ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the Peoples of the North in the 20th: Describing the language shift]. St-Petersburg : DB Press.
15. Verbitskaya, L. A. (1996). Orfoe'piya i voprosy' kul'tury' rechi [Pronunciation standard and the issues of speech culture]. In A. S. Gerd (ed.), *Prikladnoe yazy'koznanie : uchebnik* [Applied linguistics A course book] (pp. 34–54). St-Petersburg University Press.
16. Gortsevskaya, V. A. (1936). *Kharakteristika govorov barguzinskikh evenkov. Po materialam N. N. Poppe* [Features of Barguzin Evenks accent. Based on N. N. Poppe materials]. Moscow ; Leningrad : Uchpedgiz Press.
17. Gortsevskij, A. A. (1939). *Foneticheskie trudnosti pri obuchenii evenkov (tungusov) russkomu yazyku* [Phonetic difficulties of teaching Russian to the Evenki (Tungus) people]. Leningrad : Glavsevmorputi Press.
18. Gulimova G. V. (1982). Nastroyka glasnykh poligusovskogo govora evenkiyskogo yazyka (po dannym rentgenografirovaniya) [Vowel pronunciation patterns of the

- Poligus local accent of the Evenki language (X-ray analysis data)]. *Eksperimental'naya fonetika sibirskikh yazykov* [Experimental phonetics of the Siberian languages] (pp. 96–135). Novosibirsk.
19. Kastren, M. A. (1926). *Osnovy izucheniya tungusskogo yazyka* [Bases for studying the Tungus language]. *Tungusko-Russkij slovar'* [Tungus-Russian dictionary]. Irkutsk : Chita Regional State Museum Press.
  20. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow : Leningrad : Nauka Press.
  21. Koseriu, E. (2010). *Sinhronia, diahronia i istoria* [Synchrony, diachrony and history]. Moscow : URSS Press.
  22. Krysin, L. P. (2007). Russkaya literaturnaya norma i sovremennaya rechevaya praktika [Standard Russian and modern speech practices]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii* [Scientific Notes on the Russian Language], 2 (14), 5–17.
  23. Matusevich M. I. (1960). Oчерк sistemy fonem erbogochenskogo govora evenkiyskogo yazyka na osnove eksperimental'nykh dannykh [The outline of the sound system of Erbogochen local accent of the Evenki Language: Based on Experimental Data]. *Uchenye zapiski LGU. Seriya filol. nauki* [Scientific Notes of Leningrad State University. Series Philological Sciences], 40 (237), 132–169.
  24. Morozova, O. N., Kravets, T. V. (2017). Foneticheskiy portret selemdzhinskikh evenkov [Phonetic Portrait of Selemdzha Evenks]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of indigenous peoples of Siberia], 33 (2), 52–66.
  25. Myreeva, A. N. (2006). *Dialektologia evenkijskogo yazyka: ucheb. posobie* [Dialectology of the Evenki language : A handbook]. Yakutsk : Ofset Press.
  26. Naumov, V. V. (2010). *Gosudarstvo i yazyk. Formuly' vlasti i bezvlastiya* [The state and the language. The formula of power and anarchy]. Moscow : KomKniga Press.
  27. Poppe, N. N. (1927). *Materialy dlya issledovaniya tungusskogo yazyka: Narechie barguzinskikh tungusov* [Materials for the study of the Tungus language: The dialect of the Barguzin Tunguses]. Leningrad : USSR Academy of Sciences Press.
  28. Romanova, A. V., Myreeva, A. N. (1962). *Oчерki tokkinskogo i tommotskogo govorov* [Essays on Tokko and Tommot local accents]. Moscow-Leningrad : USSR Academy of Sciences Press.
  29. Simonov, M. D. (1976). Opyt spektrograficheskogo analiza evenkijskikh glasnykh (na materiale bauntovskogo govora) [Experience of spectrographic analysis of Evenki vowels (Based on the Bauntovsky local accent)]. *Issledovaniya po fonetike sibirskikh yazykov* [Research on the phonetics of Siberian languages] (pp. 153–174). Novosibirsk.
  30. Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad.